

Содержание

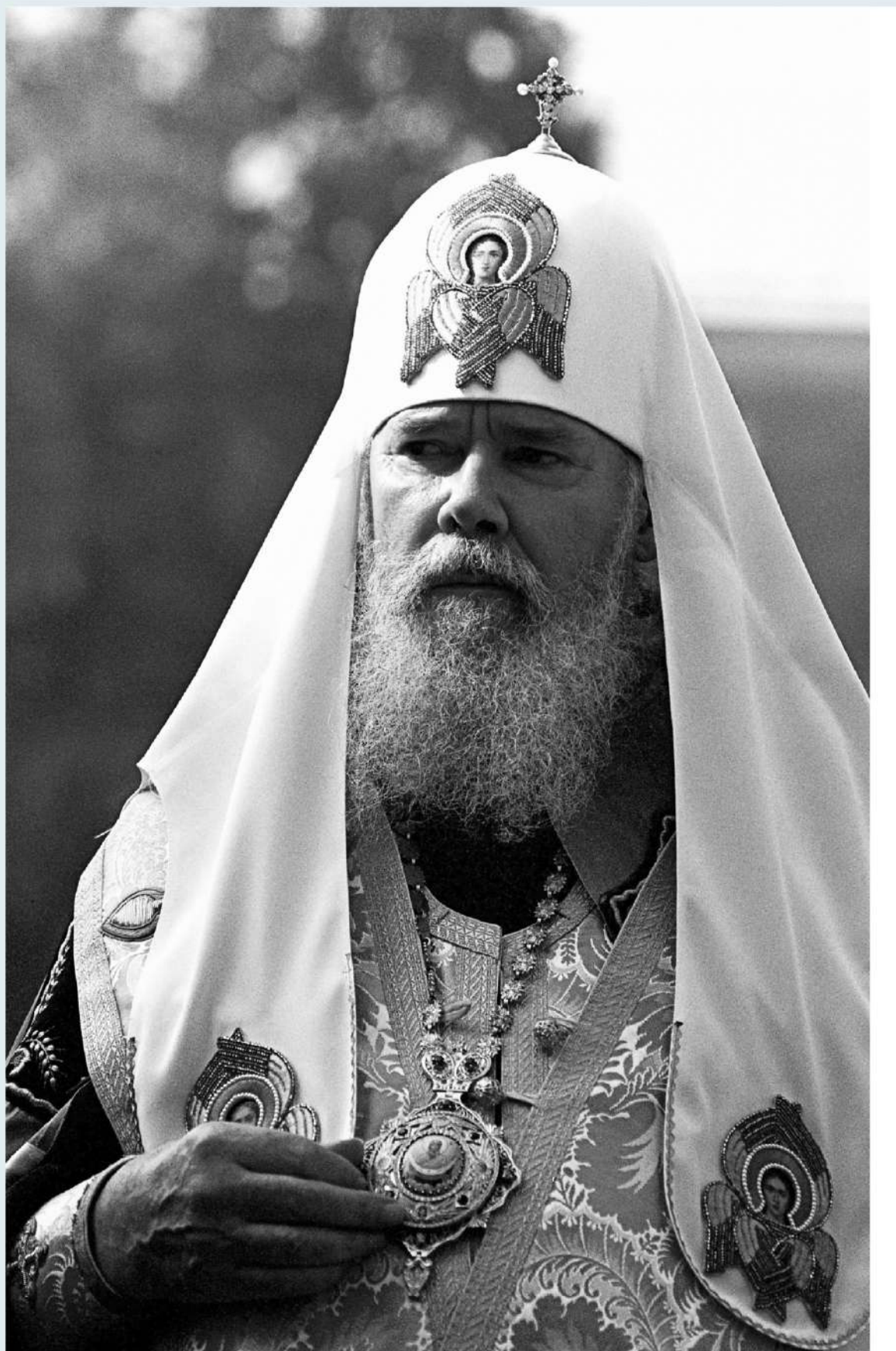
От редакции	3
Телеграмма Патриарха Алексия II	5
«Я хотел бы умереть на Пасху под звон колоколов» <i>Жизнеописание иеромонаха Василия (Рослякова)</i>	7
«Монахи – это возлюбленные Господни дети» <i>Фрагмент интервью</i>	73
«Господь ближе к нам, чем дыхание» <i>Фрагменты дневника</i>	81
«Нужно возделывать свою душу, как земледелец возделывает землю» <i>Письма</i>	145
«Все, получаемое нами от Бога, получено даром» <i>Проповеди</i>	157
«Я верный вдохновению псаломщик, стихами утешающий себя» <i>Стихи</i>	173
«Ныне слезы в мире с радостию» <i>Гимнографические тексты</i>	229
«Мы уже воскресли» <i>Летопись Страстной седмицы и Пасхи 1993 года</i>	245
Слово схиигумена Илия (Ноздрина)	253

От редакции

Ранним утром 18 апреля 1993 года радостный пасхальный благовест на оптинской звоннице резко оборвался. Этим утром в Оптиной Пустыни были убиты трое насельников — инок Трофим и Ферапонт и иеромонах Василий. Через несколько дней их отпевали по пасхальному чину, и над монастырем вновь разносился праздничный звон колоколов, возвещающий непреложность победы Жизни над смертью. Несмотря на горе и слезы, именно так — в свете Пасхи Христовой — была воспринята мученическая кончина оптинских монахов.

Убитые сатанистом инок были среди первых паломников и послушников, возрождавших монастырь в конце 1980-х — начале 1990-х годов. Это было время восстановления не только порушенных святынь, но и сломленных душ. Про Оптину того периода отец Василий написал в своем дневнике: «Здесь вновь все совершается впервые». Именно тогда иеромонаху Василию вместе с иноками Трофимом и Ферапонтом было суждено пострадать за Христа.

Прошло двадцать лет. События Пасхи 1993 года — особая страница в истории возрожденной Оптиной Пустыни. Благодаря сохранившемуся архиву отца Василия мы можем и сегодня прикоснуться к сокровенной тайне его духовного пути. Словно мозаика, из разных фрагментов творческого наследия иеромонаха Василия (Рослякова) складывается цельный образ святого нашего времени.

**Телеграмма Патриарха Алексия II
наместнику Оптиной Пустыни
архимандриту Венедикту (Пенькову)**

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ! Разделяю с Вами и с братией обители пасхальную радость!

Вместе с вами разделяю и скорбь по поводу трагической гибели трех насельников Оптиной Пустыни. Молюсь о упокоении их душ.

Верю, что Господь, призвавший их в первый день Святого Христова Воскресения через мученическую кончину, соделает их участниками вечной Пасхи в неувечном дни Царствия Своего. Душой с Вами и с братией.

18 апреля 1993 г.

«Я хотел бы умереть на Пасху под звон колоколов»

*Жизнеописание
иеромонаха Василия (Рослякова)*

Отцом Василием 15 ноября 1989 года написано: «При брезе стану, Господи, и восплачу, яко зрю Тя по иную страну вод непроходимых; обрати очи Твои, Спасе мой, и помилуй мя». Он был еще послушником, Игорем Росляковым, — менее чем через два месяца состоится постриг его в рясофор с именем Василия, в честь святителя Василия Великого. Мы еще не раз обратимся к тем поэтическим церковнославянским текстам, которые начал писать Игорь незадолго до поступления в Оптину Пустынь. А этот краткий, преисполненный глубокого духовного смысла текст мы привели здесь не даром. Едва уверовав, Игорь с редким самоотвержением потянулся к Господу — всю свою недолгую жизнь после этого он учился идти по «водам непроходимым». Помогало ему в этом покаяние — «плач», одно из существеннейших дел христианина, особенно монаха.

Игорь Иванович Росляков (так звали о. Василия в миру) родился 23 декабря 1960 года. Отец его, Иван Федорович, родившийся в 1917 году, был воспитанником детского дома, не помнившим своих родителей. Он был простой труженик, рабочий, во время Великой Отечественной войны — моряк. Это был честный и прямодушный человек, не чуждый веры в Бога. Умер он в 1979 году, когда Игорь заканчивал учение в школе. Мать Игоря,

Анна Михайловна, много лет работала ткачихой на фабрике. Потом вышла на пенсию. Родители Игоря в церкви бывали редко, но сына своего крестили вскоре после его рождения.

Семья жила в Кузьминках. Этот пригород не так давно вошел в черту Москвы. Здесь сохранилось много зелени — остатки роц и садов. Дом, где находилась квартира Росляковых, стоял в непосредственной близости к лесу, к посадкам, окружающим старинный Кузьминский парк, бывшее имение князей Голицыных. Здесь — сохранившийся флигель дворца, художественное чугунное литье оград, проточные пруды, некогда искусно насаженные аллеи английского стиля... Многие известнейшие деятели русской культуры XVIII и XIX веков бывали тут на балах, плавали на лодках при звуках музыки, громе и блеске фейерверков — историк Карамзин, поэт Жуковский... У входа в парк — храм Влахернской иконы Божией Матери, реставрация которого началась в 1992 году. Не здесь ли совершала прогулки с малышом Игорем Анна Михайловна Рослякова? В парке много цветов, птиц... Благорастворенный воздух.

Учился Игорь в школе № 466, неподалеку от дома. Характер у него был самостоятельный, твердый и ровный. Школьные науки давались ему легко. С третьего класса начал он заниматься в секции водного поло и скоро стал участвовать в соревнованиях. Классный руководитель, преподавательница литературы, вспоминает: «Это был человек одаренный и отмеченный свыше. Ему рано стали знакомы понятия „долг“ и „надо“. Уже с третьего класса жизнь отрока была расписана по минутам... Он отсутствовал в школе порой по двадцать дней, уезжая на международные или союзные соревнования... А по возвращении выяснялось, что он уже прошел самостоятельно учебный материал и готов сдать сочинения и зачеты.

Это вызывало уважение учителей и „впечатляло“ одноклассников».

К 9-му классу Игорь уже мастер спорта международного класса, член сборной команды СССР по водному поло. О нем иногда писали в газетах. Но он чувствовал, что не спорт его призвание. В нем возгоралась вера в Бога. Внутренняя его жизнь была для посторонних закрыта, но близкие к нему люди кое-что замечали, впрочем — не умея понять и оценить этого по-настоящему. Внешне жизнь его протекала следующим образом. После школы он около года работал на автомобильном заводе, потом поступил на факультет журналистики МГУ и, почти одновременно, в Институт физкультуры имени Лесгафта. Тянуть два «высших» было нелегко, но в 1985 году окончил он и то, и другое.

Он состоял в команде МГУ по водному поло и со временем всех ее членов привел к Богу. Один из них вспоминает, что объездивший много стран Игорь вдруг попал в категорию «невъездных»... Начальство заметило, что он посещает церковь. «Когда, — вспоминает О. К., — уже после гибели отца Василия я со всей моей семьей и еще одним членом нашей команды крестился в Оптиной Пустыни и начал соблюдать посты, то впервые понял, как непросто поститься, даже если сидишь дома... А каково поститься на ответственных выездных турнирах, где спортсменов кормят в основном мясом, ибо спорт отнимает много сил? А ведь Игорь Великим постом даже рыбы не ел... Мы боялись проиграть, если он ослабеет из-за поста. Помню, сидим мы с ним однажды Великим постом на бортике бассейна в Сухуми, и он говорит: „Главное, чтобы были духовные силы, а физические после придут. Дух дает силы, а не плоть“. Как раз после этого у нас был решающий финальный матч... И как же стремительно шел Игорь

в атаку, забивая и забивая голы! Мы победили, и пост был оправдан в наших глазах».

«Человек он был очень образованный, — продолжает О. К., — а мы тянулись за ним. Помню, купил он себе Библию за границей — и мы Библии покупать... Конечно, все это лишь потом пригодилось, но хоть по шажочку, а мы шли за ним. Помню, один человек из команды попросил Игоря написать ему какую-нибудь молитву. Игорь написал ему молитву по-церковнославянски, сказав: „Лишь монахи сохранили язык“...

Слово Игоря в команде было решающим... Зайдет дело в тупик, Игорь скажет краткое слово, и все знают — решение принято... Когда началась перестройка и разговоры про демократию, то однажды на собрании команды все тоже заговорили про демократию в спорте и как расширить ее. Говорили-говорили, а Игорь вкратце подвел итог: „Команда — это монархия. И если не подчинить игру единой воле, то какая будет игра?“ Он свято чтит память убиенного Государя нашего, Николая II, и нам привил эту любовь».

После соревнований игроков отправляли на месячный отдых к морю, а Игорь уезжал на это время в Псково-Печерский монастырь, где трудился на разных послушаниях. Существуют предположения, что исповедовался он у архимандрита Иоанна (Крестьянкина), который однажды сказал ему как бы полушутя: «Ну что, пойдем в монахи?» Возвращаясь из обители, Игорь привозил святыни — песочек с могил старцев, освященный елей. Бывал он иногда в городе Порхове у иеромонаха Рафаила, служившего там на приходе. Игорь всегда вспоминал о нем с большой благодарностью, так как получил от него немало запавших в сердце духовных наставлений. Однажды вместо Пицунды забрался он с друзьями в деревенскую глушь где-то в Тверской области и очень

рад был пожить попросту, не по-городскому. В это время там похолодало, но он говорил: «Это моя погодка!»

Учителя, друзья, знакомые много рассказывали о нем. Всех случаев и событий, приведенных ими, не перескажешь, но из них ясно вырисовывается образ человека необыкновенного для той среды, где он жил. Где приобрел он те знания, ту культуру, глубоко христианскую, которым ни в школе, ни в университете нельзя было научиться? Откуда у него такая нравственная строгость, молчаливость, скромность, душевная красота? Откуда любовь к монастырям, к монашеству? Ведь рос он среди людей, в основном уже духовно обворованных, лишенных православных русских традиций... Господь ему посылал. А тем, что он имел, он всегда делился — у него был дар пробуждать в тех людях, с которыми он сталкивался, не только добрые чувства, но и уважение (по крайней мере) к религии. Даже иные атеисты хватались за голову и задумывались: «Может, мы чего-то не понимаем?..»

Высокий, сильный, красивый, он едва ли не с отрочества отверг мирские развлечения. Где-то на втором курсе МГУ женился, но через полгода брак распался, как бы и не было его. Никто среди многочисленных его друзей ни словом не вспоминает этого. И больше «не искал жены»... Его не видели гневающимся или даже просто чем-нибудь недовольным. Он никого не обидел. Тихий и мирный, он старался смиряться и не вступать в споры, а говорил лишь тогда, когда его спрашивали. Что касается его профессии журналиста, то он получал приглашения сотрудничать в крупных московских газетах, но, зная о зависимости прессы от властей, отказывался. Он нашел иную работу — стал инструктором по спорту. Во время одной из поездок в Псково-Печерский монастырь Игорь взял благословение